

домовния вещи и сокриша ги», обвинив его же в воровстве. «И придоша должници стриинии сас судиа турецкки да преписуват домовния вещи и мало що найдоша. И мнеша како сѣм аз го скрил и повеле судиа да мя бият на фаланга (деревянное устройство, которым сковывали ноги, — К. М.). А селския княз не даде ми, знаяше како не сѣм аз повинен» (стр. 120—121).

Софронию не была свойственна столь мятущаяся совесть, как у Аввакума, но и он подчеркнуто самокритичен. Красочно, живо, с юмористическими оттенками он описывает пережитый им страх смерти, когда некий турецкий вельможа из Карнобата (район юго-восточной Болгарии) чуть не повесил его за то, что он обвенчал болгарина с болгарской девушкой, понравившейся турку. В течение года турок не женился на ней, так как одна из его жен не давала согласия на этот брак, но он не позволял и девушке выйти замуж. Софроний знал о запрещении, но согласился обвенчать ее с болгариним, поскольку ему было сказано, будто «султан» (как он называет турка) дал разрешение на брак. И это чуть не стоило ему жизни. Во время разбирательства он почувствовал, что турок склонен на уступки, и чтобы спасти себя, Софроний, не думая о звании и сане христианского духовника, поклялся вельможе по-турецки («Ваалаги-биалаги!»), что он проклянет молодоженов и те разлучатся. Во время скитаний по стране в качестве врачанского епископа, спасаясь от турецких преследований, Софроний выдавал себя то за лекаря, то за писаря, а иногда целыми неделями и месяцами скрывался в горных селах, монастырях и даже в турецком гареме в городе Плевене, уходил в Румынию. Пишет он об этом не за тем, чтобы оправдать себя, а объяснить, что скрывался в гареме, полагая, что свирепствовавшие тогда (последние годы XVIII в.) вокруг Плевны турецкие разбойничьи банды потребуют с него большой выкуп, если он попадет в их руки. У него же при себе, как всегда, не было и ломаного гроша. И «мнити ми ся како мя убиваха», — объясняет он.

Аввакум и Софроний не стыдятся рассказывать своим современникам и потомкам о таких случаях, когда их воля бывала сломлена и побеждена. В Тобольске Аввакум поссорился с церковным деятелем и заместителем местного архиепископа Иваном Струной. Архиепископ, благосклонно относившийся к Аввакуму, был в то время в Москве, и Аввакум, оставшийся без защиты, целый месяц, где придется, скрывался от разгневанного Струны. «Мучился я с месец от них бегаючи втай; иное в церкви ночью, иное к воеводе уйду, а иное в тюрьму просился, а иное не пустят» (стр. 68), — с нескрываемой горечью пишет Аввакум. Чистосердечно сообщает о своей осторожности и Софроний, ходивший по глухим улицам и дворам, скрывавшийся в церкви, чтобы обезопасить себя от преследования турок, захвативших город Котел. Эти признания не снижают образа писателей. Напротив, они предстают более живыми, человеческими, обыкновенными и как логическое следствие этого литературно-исторически более значимыми.

Аввакум и Софроний не раз защищают бедных и обиженных, движимые не столько чувством христианского долга, сколько самым обычным человеческим состраданием.

Оба писателя часто терпели материальный ущерб. У Аввакума разрушают дом и самого его прогоняют из села Лопатица; Софроний был ограблен своими близкими в городе Котел, а в другой раз разорен грабителями-кирджалиями (турецкие разбойничьи банды, свирепствовавшие в Болгарии в конце XVIII—начале XIX в.), так что в доме его в селе Арбанаси (около города Тырново) не осталось «ни лъжица, ни паница».